

Саурин Александр Анатольевич

кандидат юридических наук,
заместитель Главы администрации
Краснодарского края
dom-hors@mail.ru

ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация:

В статье исследуются основные проблемы, связанные с закреплением в конституции государства важнейшего фундаментального права – права частной собственности, предлагаются подходы к выявлению содержания конституционного принципа неприкосновенности собственности, рассматривается вопрос о возможности разграничения субъективного конституционного права собственности и соответствующего отраслевого (гражданско-правового) права, анализируются особенности конституционного регулирования права частной собственности в отношении наиболее важных (конституционных) объектов собственности – земли и природных ресурсов.

Ключевые слова:

право частной собственности, конституционные характеристики права собственности, принцип неприкосновенности собственности, право частной собственности на землю и природные ресурсы.

Saurin Alexander Anatolyevich

PhD in Law,
Deputy Head at the Administration of
the Krasnodar Territory
dom-hors@mail.ru

PRIVATE PROPERTY RIGHTS: CONSTITUTIONAL FEATURES

Summary:

The paper examines the main problems determined by the consolidation in the state constitution of the essential fundamental right – the private property one. It suggests approaches of the constitutional principle application to the property inviolability, considers possibility of delimitation of the constitutional property right and corresponding sectorial (civil law) right. The author studies specifics of the constitutional regulation of the private property right regarding the major (constitutional) property objects – land and natural resources.

Keywords:

private property right, constitutional features of property right, property inviolability, land and natural resource as private property.

На ранних этапах становления правовых систем формального различия между формами собственности, по сути, не проводилось, и собственность ассоциировалась с непосредственным обладанием (владением) вещью – не случайно, именно римское понятие «владение» (лат. *dominium*) означало собственность вообще, то есть как государственную, так и частную; эти понятия, как видно, в римском праве вообще не различались. Собственно термин «частный» (*private* – англ., *privée* – фр., *privat* – нем.) появился в середине XVI в. как характеристика экономической (хозяйственной) деятельности индивида, в отличие от деятельности публичных структур. В связи с этим широко распространено мнение, что возникновение понятия «частная собственность» стало результатом противопоставления нового экономического уклада (основанного на собственности отдельных лиц, прежде всего, на средства производства) прежнему, основанному на государственной (или квазигосударственной) организации экономики. В советский период развития нашего общества экономическая система СССР базировалась на принципе отрицания частной собственности (то есть именно возможности нахождения средств производства в частных руках). Кроме того, как справедливо указывают исследователи, «поскольку термин «частная собственность» ассоциировался с эксплуатацией наемного труда, а целью социалистических преобразований было объявлено уничтожение эксплуатации человека человеком, он к этому времени уже не использовался в большинстве конституций» [1, с. 12]. Поэтому вместо «частной собственности» для характеристики принадлежности имущества тому или иному индивиду использовался термин «личная собственность».

В настоящее время право частной собственности закреплено в Конституции Российской Федерации. Уже в основах конституционного строя – в части 2 статьи 8 – мы находим указание на то, что в Российской Федерации частная собственность прямо признается и защищается равным образом с государственной, муниципальной и иными формами собственности. Развитие данной нормы мы находим во многих законодательных актах Российской Федерации, прежде всего, в области гражданского права: так, согласно п. 4 ст. 212 Гражданского кодекса Российской Федерации [2, ст. 3301] права всех собственников защищаются равным образом. По мнению Г.А. Гаджиева, эти положения формируют «нормативное содержание конституционного принципа неприкос-

новенности собственности, содержание которого, к сожалению, пока в полной мере не выявлено ни наукой, ни практикой» [3, с. 10]. Как представляется, достаточно полно выявить содержание данного принципа можно только в том случае, если четко и последовательно определить пределы ограничения права частной собственности в интересах государства и других субъектов права, равно как и пределы ограничения права публичной собственности.

Весьма примечательно то, что первое место в конституционном перечне – в ст. 8 Конституции Российской Федерации – заняла именно частная собственность, недвусмысленно подчеркивая либеральный характер российского государства. По мнению В.Д. Мазаева, это и ряд других положений Конституции Российской Федерации (например, часть 2 ст. 9 Конституции Российской Федерации, допускающая частную собственность на землю и другие природные ресурсы, то есть объекты, которые, как правило, относятся к национальному достоянию всего общества) показывают приоритетность именно института частной собственности в конституционном перечне форм собственности [4, с. 12].

Однако данный принцип остается лишь декларацией, если его не наполнить конкретным правовым содержанием. Как совершенно справедливо отмечают исследователи, трактовка данного принципа в каждый конкретный исторический момент развития государства и общества зависит от тех или иных представлений и их изменение «приводит в динамичное состояние правовое регулирование отношений собственности» [5, с. 92]. К сожалению, в нашем государстве динамика эта порой бывает настолько стремительна, что она не всегда позитивно отражается на стабильности данного фундаментального права. Так, хрестоматийным стал пример, касающийся соотношения права собственности (всей совокупности правомочий) собственника жилья и прав на это жилье членов семьи предыдущего собственника. В 2004 г. целый ряд изменений действующего законодательства привел сначала практически к отказу государства от защиты права пользования жильем указанных лиц (членов семьи предыдущего собственника), а затем, наоборот, к последовательному обеспечению этих гарантий (в ущерб интересам нового собственника жилья). При этом как признаваемое Конституцией Российской Федерации право частной собственности, так и гарантируемое Конституцией же право на жилище в своем исходном (конституционном) значении остались неизменными, однако, как видно, содержание права применительно к конкретным субъектам существенно изменялось.

В связи с этим видный российский правовед, судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев совершенно справедливо задается вопросом: «что это – энтропия, влекущая спонтанное развитие законодательства, или оправданное экспериментирование?» [6, с. 95]. И дает такой ответ на данный вопрос: «Безусловно, определенные изменения в институте права собственности неизбежны, но они должны носить не спонтанный или конъюнктурный характер, а опираться на объективные правовые принципы правового регулирования отношений собственности, содержащиеся в Конституции Российской Федерации и Гражданском кодексе Российской Федерации» [7].

Ключевая статья Конституции Российской Федерации, закрепляющая формально-юридическое отношение государства к праву частной собственности – это статья 35, в которой содержится развернутая характеристика данного права как субъективного, то есть определяющего меру возможного поведения управомоченного лица. Часть 1 ст. 35, по сути, еще раз провозглашает особую защиту права частной собственности (воспроизводя положения ст. 8 Конституции Российской Федерации) и указывает на то, что право частной собственности охраняется законом. В развитие данного конституционного положения была принята целая система норм, гарантирующих указанную систему отношений. Это положение дополняется частью 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой вышеуказанное право принадлежит каждому, то есть право на защиту частной собственности имеют не только граждане, но и иностранцы, и лица без гражданства (дальнейшее развитие данного института – гарантии защиты права частной собственности юридических лиц, как российских, так и иностранных).

Очевидна неполнота приводимой конституционной формулировки: «каждый вправе иметь имущество в собственности», такой подход гарантирует право на обладание только одним из объектов собственности – имуществом, в то время как существует и целый ряд иных объектов – имущественные права, например.

Конституция Российской Федерации не связывает обладание имуществом с какими-либо условиями или цензами, и, таким образом, возникает вопрос, можно ли считать, что данное право неотчуждаемо и принадлежит каждому от рождения? Согласно части 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Является ли право собственности одним из основных прав? Конституция Российской Федерации, как известно, не определяет в своих положениях, являются ли те или иные права «основными» или нет, но совокупность все рассмотренных отношений, связанных с

правом собственности, формальное закрепление данного права как одной из основ конституционного строя Российской Федерации, безусловно, позволяют сделать такой вывод. С другой стороны, вопрос о неотчуждаемости требует отдельного рассмотрения – в общем случае, ответ, конечно, также утвердителен, но есть и целый ряд исключений (ограничений).

При этом невозможно согласиться с мнением отдельных исследователей, полагающих, что «право частной собственности – это право гражданина. На наш взгляд, неотчуждаемость этого права следует понимать как необходимый элемент правоспособности гражданина, как невозможность вообще лишать гражданина права иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами» [8, с. 39]. Безусловно, право частной собственности и гражданство не имеют прямой связи: данное право принадлежит каждому индивиду, каждому физическому лицу и защищается (или ограничивается) в равной степени, вне зависимости от ценза гражданства.

Конституция Российской Федерации предлагает классическую (гражданско-правовую) «триаду» правомочий собственника: каждый вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. И это положение получает дальнейшее развитие применительно к конституционным объектам права собственности: земле и природным ресурсам. Согласно части 1 ст. 36 Конституции Российской Федерации граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. При этом в соответствии с частью 2 ст. 36 владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. По мнению исследователей, данные нормы ст. 36 напрямую связаны с положениями ст. 9 Конституции Российской Федерации: «Не случайно в ч. 1 ст. 9 Конституции РФ предусмотрено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Это положение Конституции РФ применяется независимо от того, находятся ли земля и другие природные ресурсы в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Следовательно, признак национального достояния присутствует во всех формах права собственности на землю и другие природные ресурсы, и он должен учитываться в судебной практике. При столкновении частных и общенациональных интересов споры должны разрешаться в пользу последних» [9, с. 21]. Со столь однозначным выводом трудно согласиться. Безусловно, существует вопрос: до какой степени можно ограничить эти частные интересы в пользу общенациональных. Например, национальным интересам соответствует извлечение доходов из континентального шельфа и их распределение между жителями той страны, которой принадлежит шельф. Однако извлечение природных ресурсов из шельфа – технологически весьма сложный и финансово затратный процесс. И редкое государство может позволить себе финансировать эту деятельность. Так не разумнее ли привлечь частный капитал, например, крупные зарубежные компании для этой работы? Но ни одна компания не примет участие в проекте такого рода, если не будет гарантий права частной собственности – именно механизмов ее защиты в случае столкновения частных интересов и общенациональных. Можно, конечно, рассчитывать, что через десятилетия появятся достаточно недорогие технологии эксплуатации шельфа, но произойдет это или нет, неизвестно, а развитие страны замедлится. Поэтому следует сделать вывод о том, что общенациональные интересы должны иметь приоритет перед частными лишь в тех случаях, когда это жизненно необходимо, когда возникает ситуация, создающая угрозу существования данной нации, например, военные действия, стихийные бедствия и другие чрезвычайные события или явления. Но ни при каких обстоятельствах на результат рассмотрения такого спора не должны влиять экономические оценки, получаемые или упускаемые выгоды и т.п. Конечно, возможны ситуации, связанные с тем, что реализация (или невозможность реализации) права частной собственности затрагивает интересы широкого круга людей, всего населения, народа. В таких случаях определенные ограничения данного права целесообразны и допустимы, но и они имеют определенные пределы.

Право частной собственности регулируется в наибольшей степени нормами гражданского права. Однако та совокупность правовых норм, которую содержит Конституция Российской Федерации в отношении права частной собственности, также является весьма значимой, более того, ряд ученых предлагает разграничивать соответствующие категории, отделяя от права собственности в гражданско-правовом смысле так называемое «субъективное конституционное право собственности» [10, с. 15]. При этом содержание конституционного субъективного права собственности трактуется ими шире, чем понятие субъективного гражданского права собственности. В поддержку данного тезиса Г.А. Гаджиев приводит следующие аргументы.

1. Моменты возникновения и прекращения субъективного конституционного права не совпадают с моментами возникновения и прекращения субъективного гражданского права частной собственности.

2. Возможность путем компенсации посильно восстановить прежнее положение (в случае если государство лишило собственника его имущества).

3. Конституционное право частной собственности, по существу, обеспечивает существование целого ряда других конституционных прав, создавая условия для их реализации [11, с. 65].

Эти аргументы являются далеко не бесспорными, если толковать право частной собственности исключительно как субъективное. Так, очевидно, что трудно будет найти различия, связанные с моментами возникновения субъективного конституционного права собственности и субъективного гражданского права частной собственности: существует единый перечень основания возникновения права собственности, и возникает оно одновременно во всех смыслах – и конституционном, и гражданско-правовом. Равным образом и прекращение права собственности вряд ли может прекратиться неодновременно в конституционно-правовом и гражданско-правовом смыслах: собственник лишается всех правомочий – которые одинаково закреплены и в конституции и в актах гражданского законодательства – и поэтому, если на основании конституционных норм и (или) через систему конституционного правосудия он впоследствии добивается восстановления утраченного права собственности, то речь в данном случае идет, как представляется, именно о восстановлении права (повторного обретения права частной собственности), а не его сохранении в конституционном смысле и при этом в отсутствие его же в смысле гражданско-правовом.

Возможность получения компенсации также совершенно равным образом характеризует и «конституционное» и «гражданско-правовое» право собственности, не делая в данном случае совершенно никаких различий, более того, природа данной компенсации имеет, как представляется, прежде всего, гражданско-правовое, а не конституционно-правовое значение, поскольку направлена она не на восстановление нарушенного или утраченного права, а на адекватное материальное возмещение имущественных потерь.

Наконец, обеспечение реализации других конституционных прав и свобод – это, безусловно, крайне важно, но и в данном случае сложно обнаружить отличия от «гражданско-правового» права частной собственности. В данном случае в связи с особой важностью института, мы видим его закрепление в акте высшей юридической силы государства, но в Конституции Российской Федерации закреплены и многие другие институты: финансового права, уголовного, административного и т.д., но это ведь не создает различий в понимании (определении), к примеру, «конституционно-правовой» и «финансово-правовой» (или «налогово-правовой») обязанности платить законно установленные налоги и сборы.

Что же касается субъективных прав, то, соглашаясь с общим мнением о необходимости их подразделения на конституционные и отраслевые [12, с. 19], следует признать справедливость и постановки вопроса об отделении субъективного конституционного права собственности от соответствующего отраслевого (гражданско-правового) права. На возможность разделения этих прав в свое время указывал Л.Д. Воеводин, критикуя попытки распространения свойств гражданского права частной собственности как «абсолютного субъективного права» на «абстрактное конституционное право» [13, с. 101]. Но проблема состоит в том, что, рассматривая субъективные права, невозможно преодолеть естественное отождествление субъективного конституционного права частной собственности и одноименного отраслевого права: например, продажа имущества ведет к утрате, то есть отчуждению права собственности на него, и тем самым, к прекращению субъективного конституционного права частной собственности. Но ведь оно, это конституционное право, как следует из конституционных же положений, неотчуждаемо: исходя из норм части 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации субъективное конституционное право частной собственности попросту не может прекратиться. Именно с этих позиций исследователи и критикуют концепцию субъективного конституционного права частной собственности: «Не может быть отнесено к неотчуждаемым право на собственность, поскольку владелец собственности может произвести отчуждение по своей воле – передать, подарить, наследовать и т.д.» [14, с. 11], и единственный способ в какой-то степени данное противоречие разрешить – это признание того (как, например, показано у О.А. Ильичевой), что «объектом конституционно-правовой защиты частной собственности является не только основное неотчуждаемое право – право частной собственности на землю, но и само отношение частной собственности, являющееся одним из элементов основ конституционного строя Российской Федерации» [15, с. 28], но в этом случае мы уже, в принципе, выходим за рамки собственно субъективных прав. Так, Н.Н. Соломатина предлагает следующие критерии ограничения субъективного конституционного права частной собственности от соответствующего отраслевого права:

1) возможность отчуждения: можно отказаться от отраслевого права – от права собственности на конкретное имущество, но невозможно отказаться от абстрактного субъективного конституционного права частной собственности – только от возможности его осуществления;

2) возможность ограничения: субъективное конституционное право частной собственности может быть ограничено только федеральным законом и только в соответствии с частью 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, субъективное гражданско-правовое право частной собственности может быть ограничено на основании закона, так и договора;

3) возможность возникновения и прекращения: субъективное конституционное право частной собственности возникает и прекращается вне зависимости от воли человека – наоборот, для возникновения (прекращения) субъективного гражданского права частной собственности необходимы волевые действия субъекта;

4) возможность объективации: субъективное конституционное право частной собственности не связано с наличием у лица какого-либо имущества, то есть не имеет объективации, в то время как право частной собственности как отраслевое возникает только в отношении конкретного объекта и прекращается в случае исчезновения (отчуждения, гибели и т.п.) этого объекта [16, с. 95–96].

По мнению А.П. Анисимова и А.И. Мелихова, этот перечень целесообразно дополнить пятым критерием – критерием защиты, согласно которому субъективное гражданское право собственности защищается Европейским судом по правам человека, в то время как абстрактное право устанавливается государством и не является предметом защиты Европейского суда (в противном случае происходило бы нарушение суверенитета данного государства) [17, с. 84].

С предложенными критериями, в принципе, следует согласиться, однако, нельзя не отметить, что они отграничивают не субъективное конституционное право частной собственности от отраслевого (гражданско-правового) права частной собственности, а абстрактное конституционное право на обладание частной собственностью от конкретного субъективного права частной собственности. Право же на собственность, как справедливо указывают исследователи, представляет собой потенциальную, еще не реализованную возможность обладать каким-либо имуществом. Несмотря на фундаментальный характер права на собственность, в отечественной юриспруденции его, как правило, не рассматривают как субъективное право. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, право на собственность представляет собой элемент правоспособности, которую ученые не признают субъективным правом, а во-вторых, право на собственность выступает не субъективным правом, а интересом, не обеспеченным обязанностью государства [18]. Поэтому, исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что в качестве субъективных прав, конституционное и гражданско-правовое право частной собственности не имеют значимых содержательных отличий.

В целом же, как представляется, на основе синтеза конституционного и гражданского права собственности, возникает явление, которое можно охарактеризовать как систему института частной собственности, элементами которой является множество субъектов – частных собственников, вступающих между собой в различные отношения по поводу имущества (имущественных прав). Следствием наличия данной системы и взаимодействия ее элементов является возникновение так называемого частного сектора экономики. И только наличие и постоянное развитие данного частного сектора позволяет сделать экономику в государстве конкурентной. Конкурентоспособность же экономики является одной из приоритетных целей нашего государства: «Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой. Страной, где права собственности надежно защищены, а экономические свободы позволяют людям честно работать, зарабатывать. Зарабатывать без страха и ограничений» [19, с. 93].

Однако сказанное не означает, что право частной собственности должно стоять за рамками государственного контроля и вне поля государственного регулирования. Несмотря на то, что, как уже было отмечено, право частной собственности Конституция Российской Федерации признает и защищает равным образом с другими формами собственности, данное положение вовсе не означает невозможность его ограничения. Наоборот, в целом ряде случаев условием возникновения (поддержания) конкуренции является ограничение права частной собственности. С другой стороны, допустимость таких ограничений дает основание отдельным исследователям сделать вывод о том, что «фактически различные формы собственности не равны между собой. В частности, законом определяется, какие виды имущества могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. К таковым относится, например, имущество, изъятое из гражданского оборота. Различны также способы приобретения и прекращения права собственности для различных субъектов. Например, государство может приобретать право собственности за счет конфискации какого-либо имущества или иного отчуждения (выкупа) для своих нужд» [20, с. 71]. Корректность данного вывода вызывает серьезные вопросы:

можно ли говорить о равенстве прав в ситуации, когда эти права в одном случае возникают, а в другом нет? Не случайно, в самых ранних определениях права частной собственности (например, Декларации прав человека и гражданина 1793 г.) очень четко указывалось, что право частной собственности означает принадлежащую каждому гражданину возможность пользоваться и располагать по усмотрению своим имуществом, своими доходами и так далее. Поэтому некорректно в такой ситуации ставить вопрос: «Равны ли между собой формы собственности?». С точки зрения объема правомочий (возможностей по владению, пользованию и распоряжению), несомненно, равны, хотя и объем правомочий сопоставлять здесь не всегда корректно: физическое лицо может продать любое принадлежащее ему имущество (или иным способом совершить его отчуждение). Может ли сделать то же самое собственник-государство? Теоретически да, но на практике, если речь идет о сверхсекретной военной технологии, например, и тому подобном, большой вопрос. Поэтому неравенство в данном случае заключается не в формах собственности, а в субъектах, которые данное право реализуют: но подвергать данный вопрос исследованию, как представляется, бесперспективно. Очевидно и постоянно проявляется на практике неравенство (правильнее сказать, неодинаковость) субъектов права – и нет необходимости сопоставлять даже таких полярных субъектов, как индивида и государства, чтобы это доказать. Аксиоматично уже и то, что 2 индивида не могут быть равны во всем; можно ставить вопрос лишь о формально-юридическом равенстве, о равенстве возможностей, предоставляемых правом, и это приводит к выводу о принципиальной невозможности решения поставленного вопроса. Государственная, муниципальная, частная и иные формы собственности не могут быть равны или не равны по отношению друг другу: это различные правовые институты, как в конституционно-правовом, так и в гражданско-правовом смыслах.

Право частной собственности в отношении наиболее важных (конституционных) объектов – земли и природных ресурсов – особым образом урегулировано в Конституции Российской Федерации. И в данном контексте речь в Конституции идет уже не о правах человека, а о правах гражданина. В соответствии с частью 1 ст. 36 Конституции России граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. Исследование данных положений вызывает несколько очевидных вопросов: означает ли данная формулировка Конституции признание права частной собственности на землю только за гражданами (объединениями граждан)? И означает ли она невозможность приобретения земли в собственность в Российской Федерации иностранными и гражданами и лицами без гражданства?, и если нет, то не будет ли означать продажа земли иностранцу передачу ему части государственной территории Российской Федерации? В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 года № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» [21, ст. 1833] сформулированы определенные правовые позиции, разъясняющие данные вопросы.

Во-первых, согласно части 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут ответственность наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Тем самым в качестве общего принципа российского законодательства установлен «национальный режим» для иностранных лиц и лиц без гражданства, то есть, в отношении прав и обязанностей они приравнены к российским гражданам.

Во-вторых, сама по себе возможность предоставления иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам права на определенных условиях приобрести в собственность и в определенных пределах владеть, пользоваться и распоряжаться земельными участками, с точки зрения Конституционного Суда Российской Федерации, не противоречит конституционно-правовому статусу земли как публичного достояния многонационального народа России.

В-третьих, как указывает Конституционный суд Российской Федерации, федеральный законодатель, предоставляя иностранным гражданам и лицам без гражданства право приобретать в частную собственность землю, должен исходить приоритета права российских граждан иметь в собственности землю, обеспечивая рациональное и эффективное использование земли и ее охрану, защиту экономического суверенитета Российской Федерации, целостность и неприкосновенность ее территории.

Наконец, в-четвертых, объектом права собственности на землю являются земельные участки, представляющие собой часть поверхности земли в границах территории Российской Федерации. При предоставлении земли в частную собственность приобретателю передается не часть государственной территории, а лишь земельный участок как объект гражданских прав, что не затрагивает суверенитет Российской Федерации и ее территориальную целостность.

Данные правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации, как представляется, в целом, довольно системно связывают конституционное право гражданина на землю с гражданско-правовым регулированием права частной собственности на землю, распространяющимся как на граждан Российской Федерации, так и на иностранных граждан, и на лиц без гражданства. Достаточно спорным выглядит лишь вывод Конституционного суда Российской Федерации о том, что, ограничивая право собственности иностранных граждан на землю (например, устанавливая запрет на обладание на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных и иных территориях Российской Федерации) федеральный законодатель тем самым устанавливает приоритет права российских граждан иметь в собственности землю, обеспечивая рациональное и эффективное использование земли и ее охрану, защиту экономического суверенитета Российской Федерации. Как представляется, речь в данном случае идет совершенно не о приоритете – и в этом контексте – о равенстве или неравенстве российских граждан и иностранцев, а о различии их правового статуса, объеме правоспособности. У граждан России он шире (на территории Российской Федерации), но это не делает их право собственности «приоритетным» по отношению к праву частной собственности иностранных граждан в Российской Федерации. В данном случае имеет место иное: право частной собственности иностранного гражданина ограничивается по объектному составу по сравнению с гражданином России, но ни о какой приоритетности речь в данном случае не идет. Да, объекты права частной собственности различаются, но объем правомочий собственника – одинаков, и права по владению, пользованию и распоряжению объектом собственности защищаются государством равным образом.

Ссылки:

1. Андреева Г.Н. Объекты права собственности в конституциях зарубежных стран: ретроспективный взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 27.06.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301
3. Гаджиев Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12.
4. Мазаев В.Д. Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение // Журнал российского права. 2008. № 12.
5. Гаджиев Г.А. Указ. соч.
6. Там же.
7. Там же.
8. Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М., 2007.
9. Там же.
10. Гаджиев Г.А. Указ. соч.
11. Там же.
12. Витрук Н.В. Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1965.
13. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972.
14. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека. СПб., 2001.
15. Ильичева О.А. Судебная защита конституционного права частной собственности на землю гражданина Российской Федерации: понятие и сущность // Российский судья. 2007. № 1.
16. Соломатина Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в праве частной собственности // Гармонизация частных и публичных интересов. Саратов., 2005. С. 95–96.
17. Анисимов А.П., Мелихов А.И. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки: монография. Волгоград, 2009.
18. Там же.
19. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Российская газета. 2003. № 93.
20. Шуплецова Ю.И. Вещные права на природные ресурсы: публичные и частные интересы. М., 2007.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1833.

References:

1. Andreeva, GN 2007, 'Proprietary rights in the constitutions of other countries: retrospective', *Constitutional and municipal law*, no. 2.
2. 'The Civil Code of the Russian Federation (Part One). The Federal Law of 30.11.1994, № 51-FZ (as amended on 06.12.2011, as amended. From 27.06.2012)' 1994, *Collected Legislation of the Russian Federation*. № 32. Art. 3301.
3. Gadzhiev, GA 2006, 'The constitutional foundations of the modern property rights', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
4. Mazaev, VD 2008, 'The constitutional model of the Russian economic system: the image and the real content', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
5. Gadzhiev, GA 2006, 'The constitutional foundations of the modern property rights', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
6. Gadzhiev, GA 2006, 'The constitutional foundations of the modern property rights', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
7. Gadzhiev, GA 2006, 'The constitutional foundations of the modern property rights', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
8. Andreev, VK 2007, *On the right of private property in Russia (Critical Essay)*, Moscow.

9. Andreev, VK 2007, *On the right of private property in Russia (Critical Essay)*, Moscow.
10. Gadzhiev, GA 2006, 'The constitutional foundations of the modern property rights', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
11. Gadzhiev, GA 2006, 'The constitutional foundations of the modern property rights', *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12.
12. Vitruk NV 1965, *Subjective rights of Soviet citizens and their development during the construction of a communist society*, PhD thesis abstract, Kiev.
13. Voevodin, LD 1972, *Constitutional rights and obligations of Soviet citizens*, Moscow.
14. Rasskazov, LP & Uporov, IV 2001, *Natural rights of man*, Saint Petersburg.
15. Il'icheva, OA 2007, *Judicial protection of the constitutional rights of private ownership of the land of a citizen of the Russian Federation: the concept and essence*, *Rossiyskiy sud'ya*, no. 1.
16. Solomatina, NN 2005, 'The ratio of private and public began in the private property', *Harmonization of private and public interests*, Saratov, pp. 95–96.
17. Anisimov, AP & Melikhov AI 2009, *Constitutional and legal regulation of private ownership of land*, Volgograd.
18. Anisimov, AP & Melikhov AI 2009, *Constitutional and legal regulation of private ownership of land*, Volgograd.
19. 'Message from the President of Russia Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation' 2003, *Rossiyskaya gazeta*, no. 93.
20. Shupletsova, Yul 2007, *Property rights over natural resources: public and private interests*, Moscow.
21. 'Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.04.2004 № 8-P "On the Constitutionality of the Land Code of the Russian Federation in connection with the request of the Murmansk Regional Duma"' 2004, *Collection of the legislation of the Russian Federation*. № 18. Art. 1833.